

АНДРЕЙ ВАЛЬТЕРОВИЧ ГРИНЁВ

доктор исторических наук,
профессор Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: agrinev1960@mail.ru

Проблема наукометрической дискриминации российских гуманитариев

УДК: 05+001.811

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-2-122-143

В статье анализируется малоисследованная, но весьма актуальная проблема наукометрической дискриминации представителей гуманитарных дисциплин в России. Характеризуя недостатки основных наукометрических показателей, автор отмечает, что изначально скрытая дискриминация гуманитариев связана с использованием библиометрической базы данных *Web of Science*, в рамках которой не происходит вычисления импакт-фактора гуманитарных журналов и расчета их квартильной метрики. Исследуя далее наукометрическую дискриминацию гуманитариев на конкретном российском материале, автор указывает, что начало этому процессу было положено в 2006 г., когда вышел приказ Министерства высшего и среднего образования РФ, вводящий наукометрические показатели, которые явно ущемляли интересы представителей гуманитарных дисциплин. Затем эта традиция продолжилась и с 2013 г. произошел сознательный, прямой и узаконенный акт наукометрической дискриминации в отношении гуманитариев, когда правительство приняло постановление о новых публикационных требованиях, относящихся к защите диссертаций. Эту дискриминацию нередко усиливает администрация университетов, вводя различные наукометрические нормативы, в результате чего преподаватели-гуманитарии ставятя в неравное положение с представителями естественных и технических наук. В статье анализируется реакция гуманитарного сообщества на дискриминационные меры властей, а также личный опыт автора как преподавателя гуманитарных дисциплин в техническом вузе.

Ключевые слова: наукометрия, наукометрические показатели, библиометрические базы данных, наукометрическая дискриминация.

Введение

Наукометрическая дискриминация представителей гуманитарных дисциплин не является популярной темой для исследователей: сделав запрос *scientometric discrimination* в поисковой строке журнала *Scientometrics* — одного из ведущих в своей области — я не смог найти среди представленного перечня статей ни одной по интересующей меня проблеме. То же самое произошло, когда был сделан запрос во всемирной поисковой системе *Google* — как и в журнале *Scientometrics*, мне предлагалось ознакомиться в основном со статьями о гендерной дискриминации. Поиски в научной литературе тоже не привели к существенному успеху. Лишь в двух новейших работах российских авторов эта тема затрагивается очень бегло [Губа и др., 2020; Жарова, 2022]. Немного ранее мне также довелось кратко отмечать существование наукометрической дискриминации гуманитариев в российских технических вузах [Гринёв, 2019б]. Поэтому попробуем подробнее рассмотреть эту проблему.

Здесь уместно напомнить, что наукометрия производит исследование науки с помощью разнообразных измерений и статистической обработки информации, связанной в первую очередь с научной библиографией, которая сосредоточена в различных библиометрических базах данных (ББД). В настоящее время наиболее известными из них являются американская *Web of Science* (WoS) и европейская *Scopus*. Кроме того, в странах с развитой научной сферой порой формируются свои национальные ББД, например, в России это РИНЦ — Российский индекс научного цитирования. Данные этих баз и наукометрические показатели широко применяются на практике при составлении различных рейтингов, выделении грантов, финансировании университетов, отдельных ученых и научных коллективов, при заключении или продлении трудовых контрактов.

В России первая попытка директивного внедрения наукометрических показателей была предпринята еще в 2006 г., но решающим шагом к тотальному использованию наукометрии в управленческой практике стал указ президента В.В. Путина от 7 мая 2012 г. за № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». В нем была поставлена задача увеличить к 2015 г. долю работ российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в ББД *Web of Science*, до 2,44%. Обнародование этого указа дало старт «великому библиометрическому джихаду», по меткому выражению профессора МГУ Ю.А. Неретина [Неретин, 2013], в ведущих университетах страны и институтах системы РАН, что сопровождалось сильным прессингом вышестоящих инстанций по внедрению наукометрических показателей в разного рода отчетностях. Одним из следствий стала наукометрическая дискриминация гуманитариев, в чем на личном опыте смог убедиться автор данной статьи, много лет занимающийся преподаванием истории и других гуманитарных дисциплин в одном из ведущих технических университетов России.

Проблемы наукометрии и проблемы с наукометрией

Прежде чем приступить к основной теме, необходимо сказать пару слов о специфике такой дисциплины, как наукометрия. С моей точки зрения, ее следует разделить на две части. В рамках первой из них исследователи обычно оперируют боль-

шими массивами статистической информации, когда просчитывается, например, импакт-фактор журнала за определенный период или динамика публикаций по той или иной теме с использованием библиометрических баз данных. В таких случаях мы имеем дело с обезличенной наукометрической статистикой, обычно достаточно выверенной и относительно точной, исходя из закона больших чисел. Но если речь заходит о библиографических показателях отдельного ученого или научного коллектива, здесь приходится сталкиваться с большими проблемами, порождаемыми человеческим фактором. Меня, как гуманитария, всегда интересовал именно этот аспект наукометрии. Он проявляется в неполноте исходных данных, различных манипуляциях, применении сомнительного инструментария и т. д. Все это приводит к различным искажениям, ошибкам, а то и фальсификациям исходного цифрового материала, причем дело нередко осложняется некомпетентностью управленцев (министерской и вузовской администрации) и практикой индексации научных работ в различных ББД. Проиллюстрирую сказанное примерами.

Как известно, когда речь заходит о наукометрических параметрах работ отдельного человека или группы ученых, все библиометрические базы данных используют несколько десятков метрик, но в первую очередь три основных показателя: 1) число публикаций, 2) число цитирований и 3) индекс Хирша (*h-index*). Каждый из этих показателей уязвим для критики, причем даже такой простой, как количество публикаций. К примеру, у двух авторов издано по 20 научных работ, которые зафиксированы в той или иной ББД. С формальной точки зрения оба автора имеют равные заслуги перед наукой, поскольку сумма их публикаций идентична. Однако если обратиться к перечню изданных работ, то становится ясно, что формальный наукометрический подход совершенно неуместен, так как у одного ученого вышло две монографии, 15 статей и три рецензии в престижной научной периодике, в то время как у второго имеется всего семь статей в посредственных журналах, а остальные публикации представлены тезисами докладов на конференциях и рецензиями. Поэтому ограничиваться только одной суммой всех работ автора или научного коллектива явно нецелесообразно: всегда необходима детализация публикаций по соответствующим категориям, чтобы получить хотя бы приблизительное представление о реальных научных достижениях ученого, департамента или научной организации в целом. Игнорирование этого очевидного требования обычно свидетельствует либо о слабой компетенции руководства соответствующего уровня, либо о предвзятости и коррупционной составляющей.

С проблемой количества публикаций связана и другая пока неразрешимая проблема — соавторство. Дело в том, что после издания коллективной научной работы и ее регистрации в той или иной библиометрической базе все соавторы в равной мере получают соответствующую запись в своем индивидуальном профиле как полноценные авторы данного произведения, хотя их реальный вклад может приближаться к нулю. Например, в свое время российские ученые Института физики высоких энергий опубликовали 80 работ, каждую из которых якобы написали более 3 000 «соавторов», а один американский профессор напечатал в медицинском журнале десятистраничную статью с 976 «соавторами», т. е. на одну страницу текста приходилось около 100 «соавторов» [Штовба, Штовба, 2013]. В 2021 г. был установлен мировой рекорд, когда авторами одной научной статьи стали 15 025 исследователей (из 122 стран), входивших в группу *CovidSurg* [Ефимова, 2022]. Естественно, все эти многочисленные мнимые соавторы в реальности не писали научную работу, а их

фамилии были включены в авторский список по тем или иным причинам. Из этого логически следует, что подобное фиктивное соавторство делает бессмысленным массу последующих наукометрических вычислений даже с использованием самых изощренных интегральных уравнений. Тем не менее сейчас появляются сторонники, фигурально выражаясь, «безграничного соавторства». Так, д-р Алекс Холкомб из Сиднейского университета пишет со ссылкой на специально проведенное исследование, что в настоящее время возникают веские причины для перехода к модели научного вклада (*contributorship model*), которая предполагает, что ученому не нужно участвовать в написании или редактировании статьи, чтобы быть автором, — любой вклад в научный проект должен быть признан [Holcombe, 2019].

Соавторство — самый простой способ без больших усилий и абсолютно законно стать рекордсменом по числу публикаций. В России включение фамилии руководителей в число соавторов при отсутствии фактического вклада в научное исследование является широко распространенной практикой [Гуреев и др., 2019]. Особенно часто подобное происходит, когда статью пишет молодой ученый, а его научный руководитель или начальник в лучшем случае лишь редактирует текст, однако ставит свою фамилию в качестве соавтора, причем зачастую на первое место вопреки алфавиту и действительному вкладу в создание работы. Сходная проблема существует и в других странах [Chapman et al., 2019]. Более того, подобная практика позволяет «держаться на плаву» по количеству публикаций немалому числу администраторов, давно отошедших от реальной научной работы, но имеющих благодаря фиктивному соавторству неплохую наукометрическую статистику.

Здесь следует добавить еще один аспект, хорошо известный в наукометрии: в социальных и гуманитарных науках автором чаще всего выступает «одиноким ученый», в то время как в технических, естественных и медицинских науках явно преобладают коллективы [Mingers, Leydesdorff, 2015; Акоев и др., 2021]. Поэтому представители этих наук в среднем имеют гораздо более высокие наукометрические показатели, чем гуманитарии, за счет соавторства. В результате наблюдается своеобразное наукометрическое неравенство, чреватое дискриминацией в случае недифференцированного подхода к представителям двух основных сфер современной науки.

Заканчивая анализ первого основного наукометрического показателя, следует добавить, что библиометрические базы данных обычно не учитывают всех работ автора, особенно БД *WoS* и *Scopus*. В этих базах отбор научной периодики производится по строгим критериям, и, если автор опубликовал свою работу в журнале, не проиндексированном в этих базах, она не засчитывается. Даже всемирная поисковая система *Google Scholar* не фиксирует всех публикаций автора, поскольку какая-то часть из них может отсутствовать в Интернете. Кроме того, в БД *WoS* и *Scopus* безусловный приоритет имеют статьи, изданные в рецензируемых журналах, преимущественно на английском языке, следствием чего является дискриминация представителей неанглоязычных стран. Это доказало проведенное статистическое исследование БД *WoS* и *Scopus* канадскими специалистами Филиппом Монжонном и Адель Поль-Хус, причем они параллельно выяснили, что использование данных этих баз приводит к отклонениям в пользу публикаций по естественным, техническим и биомедицинским наукам в ущерб социальным и гуманитарным [Mongeon, Paul-Hus, 2016]. Здесь следует добавить пару слов о квартильной метрике, которую используют БД *WoS* и *Scopus*, причем в первой базе отсутствует рас-

чет импакт-фактора для журналов гуманитарной направленности, следовательно, и квартилей, что опять же чревато дискриминацией представителей гуманитарных дисциплин.

Что касается второго основного наукометрического показателя — числа цитирований, — то он также не лишен существенных недостатков, хотя некоторые эксперты настаивают на его объективности, призывая сделать его основным параметром научной эффективности работы исследователя [Орлов, 2018]. Вынужден разочаровать сторонников такой точки зрения. Во-первых, из-за того, что библиометрические базы, как уже сказано, обычно не учитывают все работы автора, а следовательно, и их цитирования, что неизбежно приводит к занижению их количества, и порой весьма существенному: достаточно сравнить показатели конкретного российского автора в ББД *WoS*, *Scopus* и в РИНЦ. В данном случае число цитирований может различаться в 10 и более раз.

Во-вторых, при ссылке на коллективную работу у каждого из соавторов автоматически увеличивается на единицу сумма его цитирований, невзирая на его личный вклад в ее написание. Мой однофамилец с Украины, химик по специальности, за счет соавторства имеет совершенно фантастические цифры в ББД *Scopus*: на конец марта 2023 г. он имел 1 239 работ, которые получили более 69 тыс. цитирований! В результате его индекс Хирша достиг 112 — цифры, которой могут позавидовать даже нобелевские лауреаты.

В-третьих, все библиометрические базы учитывают ссылки на те работы, которые подвергаются серьезной критике, так как их результаты считаются ошибочными или просто недостоверными (например, из-за фальсификации данных). Порой имеет место и тиражирование недостоверных ссылок [Полянин, 2014; Бобров, 2022]. Стоит упомянуть также научную моду, когда новая необычная теория, книга или статья с сенсационным содержанием приковывает всеобщее внимание и вызывает обильное цитирование, хотя реального основания для этого может и не быть [Мотрошилова, 2013].

В-четвертых, количеством цитирований легко манипулировать. Это происходит, если коллеги договариваются о цитировании результатов друг друга (так называемая цитатная коррупция) или автор злоупотребляет самоцитированием. Так, введение в Италии в 2010 г. правила учета цитируемости при занятии должности профессора привело к резкому росту самоцитирования, особенно среди социологов [Bagues et al., 2017]. Мне самому приходится постоянно сталкиваться с цитатной коррупцией в сфере моей научной специализации, и подобные случаи описаны в наукометрической литературе [Иванов, Петров, 2016]. Однако бывают обратные ситуации, когда специально игнорируются и мало цитируются работы ученых-конкурентов, даже если ими были достигнуты значимые научные результаты. Как показало специальное статистическое исследование, российские работы по химии и физике, изданные за рубежом, цитировались ниже среднего примерно в 60% зарубежных журналов [Pislyakov, Dyachenko, 2010]. Аналогичная картина характерна и для российских гуманитариев [Савельева, Полетаев, 2009]. Мой собственный опыт говорит о том же. На самом деле эта проблема имеет гораздо большие масштабы. Как отмечает канадский специалист по библиометрии Ив Жэнгра, ученые наиболее развитых стран Запада обращают гораздо меньше внимания на журналы (особенно гуманитарные), издаваемые на «периферии» (к которой относится и Россия), фактически воспроизводя имперскую/колониальную логику отношений метрополии

и колониальных стран [Женгра, 2018]. Это, в свою очередь, приводит к минимуму цитирований «периферийных» ученых. Более того, после начала военных действий на Украине в феврале 2022 г. следует ожидать резкого усиления этой негативной тенденции на Западе под влиянием «культуры отмены» в отношении России и российских ученых [Мжельский, 2022].

В-пятых, хорошо известно, что отношение к цитированию в разных науках крайне неодинаково: среди представителей естественных наук в наименьшей степени склонны упоминать работы своих коллег математики, а в наибольшей — биологи, медики и химики. Даже в одной предметной сфере количество цитирований может различаться в разы. У представителей исторических дисциплин чаще всего ссылаются на работы ученых своей отрасли науки археологи и этнографы (антропологи), а в наименьшей — архивисты и историки, которые предпочитают делать ссылки на исторические документы, а не на труды своих коллег. Кроме того, историки предпочитают ссылаться на монографии, не подпадающие за редким исключением под индексацию в БД *WoS* и *Scopus*, что дополнительно снижает их наукометрические показатели [Must, 2012, Акоев и др., 2021].

В целом же гуманитарии заметно уступают по цитированию представителям естественных наук, причем не только из-за особенностей и традиций цитирования, но и по причине распространения среди последних коллективных работ, а также общего численного доминирования с соответствующим преобладанием научной периодики (в 2019 г. представители гуманитарных и общественных наук составляли всего 9% от общей численности российских ученых [Индикаторы науки, 2021]). С учетом сказанного становится совершенно очевидно, что сравнивать сумму цитирований представителей естественных и гуманитарных наук достаточно бессмысленно, а потому предъявлять к ним одинаковые наукометрические требования — это прямой путь к дискриминации гуманитариев.

Можно и далее перечислять недостатки индекса цитирования, но уже очевидно, что второй основной наукометрический показатель вряд ли годится в качестве абсолютного мерила научной значимости трудов ученого. Добавлю, что само по себе невысокое число цитирований не всегда означает низкое качество научного произведения. Тут может сказаться отрасль науки, культура цитирования, тематика работы. Например, трудно ожидать одинаковой интенсивности цитирования от статьи, посвященной, скажем, материальной культуре средневековой Франции и статьи о небольшом индейском племени атна на Аляске. Совершенно понятно, что количество цитирований первой работы будет в разы превосходить вторую уже в силу того, что медиэвистов, специализирующихся на средневековой Франции, гораздо больше, чем экспертов по этнографии аляскинских атабасков.

В России проблема цитирования дополнительно усугубляется слабой методологической культурой и невысокой научной этикой. Это проявляется в первую очередь в отсутствии или недостаточном количестве ссылок, о чем мне уже неоднократно приходилось писать, основываясь на конкретных примерах моей научной области. Как показало специальное исследование, обычно средняя статья российских авторов содержит в 2–3 раза меньше ссылок, чем англоязычная. Это значит, что шанс российских ученых быть процитированным в разы меньше, чем у иностранных коллег, даже когда речь идет о публикациях в России [Фёдоров, Попов, 2014].

В завершении сюжета об основных наукометрических показателях скажем пару слов о хорошо известном и популярном индексе Хирша [Hirsch, 2005]. Поскольку

он напрямую зависит от количества публикаций и их цитирования, то в принципе не может не иметь недостатков, о которых говорилось выше. Так, он не учитывает личный вклад автора в написание научного произведения — при подсчете индекса Хирша все равно, написана ли статья десятью учеными или ее писал один автор; этот индекс засчитывает даже те ссылки из публикаций, в которых автора справедливо критикуют; индекс Хирша легко подвергается манипулированию и т. д. Неслучайно некоторые специалисты рекомендовали вообще исключить его из анализа эффективности деятельности ученых, потому что его применение может привести к грубым ошибкам и абсурдным результатам [Полянин, 2014; Жэнгра, 2018]. Однако до сих пор во всех основных ББД замены индекса Хирша на более совершенный наукометрический инструмент так и не произошло.

Как показывает этот краткий обзор основных наукометрических показателей, даже их комплексное использование редко может дать полную и точную картину реальных научных достижений отдельного ученого или научного коллектива. Особенно это касается ученых-гуманитариев. Тем не менее, несмотря на все недостатки наукометрии, отказаться от нее невозможно, так как нельзя, например, судить о научной результативности ученого без знания хотя бы общего числа его публикаций. Опять же, без наукометрической информации, пусть и весьма несовершенной, невозможно никакое планирование и контроль научной деятельности.

Дискриминация представителей гуманитарных наук в России

К сожалению, недостатки наукометрии, ее показателей и инструментария нередко усугубляются непродуманной политикой государственных органов и администраций университетов. Этот фактор может иметь очень существенное значение, если руководящие ведомства располагают большими полномочиями и благодаря этому могут жестко навязывать определенные правила, нормы и требования научному сообществу. Это более чем актуально для России, где в 2006 г. вышел приказ Министерства образования и науки РФ от 3 ноября за № 273/745/68. В нем впервые в российской управленческой практике были оформлены критерии индивидуальных показателей результативности научной деятельности (ПРНД) сотрудников академических НИИ и представителей профессорско-преподавательского состава (ППС) вузов. В самом общем виде формула ПРНД имела следующий вид:

$$\text{ПРНД} = kJ + pM + rU + hD + sK + bP + gR + C,$$

где J — публикации в журналах, M — монографии, U — учебники, D — доклады на конференциях, K — научно-образовательные курсы, P — патенты, R — научное руководство, C — число ссылок на работы автора за отчетный период времени; k, p, r, h, s, b, g — весовые коэффициенты.

Поскольку эта формула, как и другие положения приказа № 273/745/68, уже подвергалась критике в научной литературе [Котляров, 2009; Гринёв, 2019а], укажу здесь только пару наиболее ярких образцов вопиющего нарушения элементарных принципов оценки научной деятельности. Так, формула ПРНД включала такие показатели, как разработка и переработка учебных курсов, читаемых в вузе, руководство дипломниками и аспирантами, — все эти виды работ относятся к учебно-мето-

дической и педагогической, а не к научной работе. В приказе министерства наряду с научными статьями и монографиями учитывались учебники и учебно-методические пособия (пусть и с обязательным грифом Минобрнауки России), которые нельзя признать полноценными научными работами.

Что касается гуманитариев, то приказ № 273/745/68 явно способствовал их дискриминации следующим образом. В нем за издание статьи в журнале, не имеющем импакт-фактора или с индексом менее 0,2, устанавливался балл 6, в то время как статья, опубликованная в рецензируемом российском или зарубежном журнале с индексом более 0,2, присваивался балл, равный импакт-фактору этого издания, умноженному на 45 или 30 соответственно. Поскольку импакт-фактор журналов в это время рассчитывался только БД *WoS*, а *Scopus* и РИНЦ просто не имели соответствующей статистики, так как были основаны в 2004 и 2005 гг., ученые-гуманитарии никаким образом не могли получить значительные баллы за свои публикации. Причина заключалась в том, что в БД *WoS* журналы гуманитарной направленности не имели (и не имеют до сих пор) своего импакт-фактора. Поэтому даже самая основательная статья, изданная ученым-гуманитарием, не могла набрать более 6 баллов. Кроме того, формула ПРНД предусматривала начисление баллов за технические патенты, совершенно чуждые гуманитариям, тем самым ставя их в неравноправное положение. Это неравенство еще более усиливалось учетом ссылок, которых у гуманитариев в силу указанных выше причин всегда меньше, чем у представителей естественных и технических наук. Тем не менее приказ № 273/745/68 был принят как руководство к действию всеми управленческими структурами Министерства образования и институтами Российской академии наук (РАН) уже в 2007 г. И хотя позднее он был отменен другим приказом того же министерства и РАН от 11 января 2010 г. за № 1/1н/1, но многие его положения утвердились на практике при разработке различных оценочных регламентов университетов и академических НИИ и используются до сих пор.

В 2009 г. Министерство образования и науки РФ попыталось дополнительно стимулировать публикационную активность российских ученых, издав приказ от 14 октября 2009 г. за № 406. Он частично повторял недостатки предыдущего приказа за 2006 г., частично генерировал новые, что свидетельствовало об удручающе низком уровне управленческих кадров Минобрнауки РФ. Например, учет учебников (и глав в учебниках) снова демонстрировал непонимание авторами приказа сути научной работы. При этом не вводилось никакой дифференциации книжной продукции ни по объему, ни по престижности издательства: не имело значения, публиковалась ли монография в *Cambridge University Press* или в издательстве какого-нибудь второсортного университета в российской глубинке. Это же замечание полностью приложимо и для опубликованных докладов и тезисов докладов различных конференций, для которых в министерском приказе вводился лишь примитивный количественный показатель — наличие 150 участников и более. Опять же, включение импакт-фактора в число показателей при учете публикаций в научной периодике продолжало политику скрытой дискриминации гуманитариев.

В целом же, несмотря на принятие этих нормативных актов и иных инструкций министерств, вузов и институтов РАН, ситуация с публикациями отечественных ученых оставляла желать лучшего. Общий вклад российской печатной продукции всех видов и по всем областям знаний в мировой поток с 1993 по 2012 г. снизился с 2,57% до 1,52% [*Рубвальтер, Либкинд, 2021*]. Да и качество российских публикаций

было невысоким, что проявлялось в крайне низком уровне цитируемости в расчете на одну статью [Земсков, 2014].

Ситуация с научными публикациями наконец обратила на себя внимание главы государства, следствием чего стал указ президента от 7 мая 2012 г. за № 599, о котором уже говорилось выше. Немедленно в ведущих вузах и институтах РАН развернулась лихорадочная деятельность, связанная с его выполнением и всемерным наращиванием наукометрических показателей. Естественно, что первоначальная ориентация исключительно на библиометрическую базу *Web of Science*, которая упоминалась в президентском указе, автоматически вела к дискриминации гуманитариев. Кроме того, в 2013 г. была запущена амбициозная правительственная программа «5-100-2020», согласно которой в 2020 г. пять лучших российских вузов должны войти в сотню ведущих университетов мира (постановление Правительства РФ от 16 марта 2013 г. за № 211). Среди разнообразных показателей, заявленных для продвижения конкретного вуза вверх по ступеням рейтинга, публикационная активность занимала одну из ключевых позиций.

Благодаря нажиму министерской и вузовской администрации удалось резко нарастить количество российских научных работ — в 2019 г. они составили уже 3,14% от всех мировых публикаций [Рубвальтер, Либкинд, 2021]. С середины 2010-х гг. параллельно наметился рост регистраций российских научных журналов в ББД *WoS* и *Scopus*. В сентябре 2014 г. удалось заключить соглашение о размещении лучших российских журналов из РИНЦ на платформе *WoS* в виде отдельной базы *RSCI WoS* [Мазов и др., 2018]. Предполагалось, что для российских изданий, попавших в список *RSCI WoS*, это станет своего рода плацдармом для продвижения в *Web of Science Core Collection* (*WoSCC*). Однако ожидания не оправдались, и российские журналы, отобранные в *RSCI WoS*, не учитываются в расчете метрик *WoSCC* — таких как импакт-фактор и *h*-индекс. Поэтому публикации в журналах из списка *RSCI WoS* не рассматриваются государственными управленцами как эквивалентные публикациям в *WoSCC* или *Scopus*, что подтвердил официальный приказ Министерства образования и науки РФ от 26 декабря 2016 г. за № 14-2201.

Надо сказать, что простые числовые наукометрические данные пришлось по вкусу государственным чиновникам и администрации университетов, создавая иллюзию математически выверенных и точных показателей выполнения разработанных ими планов и нормативов. Получить наукометрические данные можно относительно быстро, просто и дешево в отличие от научной экспертизы, что также прельщало российскую бюрократию. Руководствуясь указом президента 2012 г., она поставила наукометрию себе на службу, превратив в инструмент кадрового отбора, принуждения и дополнительной эксплуатации преподавателей университетов, ведь учебно-методическая нагрузка у них ничуть не уменьшилась при повышении требований к публикационной активности. Во всех крупных российских университетах за невыполнение наукометрических нормативов, прежде всего отсутствие определенного количества публикаций, учитываемых в зарубежных библиометрических базах, виновные лишались любых стимулирующих выплат и даже могли быть уволены по истечении трудового контракта. Известный афоризм *publish or perish* стал воплощаться в жизнь самым непосредственным образом.

Стремясь, с одной стороны, увеличить общее количество научных публикаций, а с другой, руководствуясь благим желанием поставить дополнительный заслон для слабых и фальшивых диссертаций, которые стали настоящим бичом российской

науки, правительство ввело в 2013 г. новые правила, в соответствии с которыми усиливалась публикационная нагрузка на диссертантов. Согласно постановлению Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. за № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», к защите диссертации теперь допускались лишь лица, имевшие определенный минимум научных публикаций. Причем и тут не обошлось без дискриминации гуманитариев: претендовать на докторскую степень в сфере социально-гуманитарных наук мог только ученый, опубликовавший не менее 15 статей в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (ВАК) по контролю за качеством диссертаций. В то же время для представителей других научных дисциплин требовалось всего 10 подобных публикаций. Российский социолог К.С. Губа, вместе со своими коллегами анализируя динамику защиты диссертаций в России за 2005–2015 гг., объясняет подобную дискриминацию недоверием к гуманитариям, которых государственные чиновники подозревали в недобросовестности при подготовке диссертаций, для чего для них были возведены особенно высокие публикационные барьеры [Губа и др., 2020]. В итоге вместо того, чтобы наладить строгий контроль за представляемыми на защиту диссертационными работами по социально-гуманитарной тематике в индивидуальном порядке, правительство просто ввело дискриминационные правила, не принимая во внимание вопрос об элементарной социальной справедливости. Так впервые произошел сознательный, прямой и узаконенный акт наукометрической дискриминации гуманитариев в России.

Поскольку к 2020 г. стало ясно, что, несмотря на усиленное финансирование и стимулирование ведущих университетов, программа «5-100-2020» выполнена не будет (хотя в целом эти вузы значительно улучшили свои позиции в международных рейтингах), Министерство науки и высшего образования решило дополнительно активизировать публикационную гонку среди институтов Российской академии наук. В январе 2020 г. министерством было разослано директивное письмо № МН-8/6-СК «О корректировке Государственного задания с учетом методики расчета комплексного балла публикационной результативности». В нем эффективность научной работы предлагалось исчислять по сложной интегральной формуле, в основу которой положены набранные баллы, в первую очередь за научные публикации. В министерском письме была помещена таблица расчета баллов, где указаны следующие показатели:

Q1	Q2	Q3	Q4	Q	S	R	V	B
19,7	7,3	2,7	1,0	1,0	1,0	0,75	0,5	1,0

Здесь Q1, Q2, Q3, Q4 — публикация в журналах соответствующего квартиля, индексируемых БД *Web of Science Core Collection*; Q — публикации в изданиях без квартиля, но входящие в *WoSCC*; S — публикации в изданиях, индексируемых в БД *Scopus*, но не входящих в *WoSCC*; R — публикации в лучших российских журналах из РИНЦ на платформе *WoS (RSCI WoS)*; V — публикации в журналах из списка ВАК; B — монографии, зарегистрированные в Российской книжной палате. Ниже даны баллы, начисляемые за каждую публикацию соответствующей категории.

Анализ этой таблицы свидетельствует о том, что министерские требования к наукометрическим показателям достигли полного абсурда, ведь получается, что одна статья, напечатанная в журнале Q1 *WoSCC*, почти равна 20 статьям, зарегистрированным в БД *Scopus* (незвирая на квартили!), или 40 статьям из российских

журналов из списка ВАК, или 20 монографиям! Но затраты труда и времени на создание даже небольшой монографии несопоставимы с аналогичными затратами на написание пусть даже самой качественной статьи. Причем именно монографии наиболее ценятся специалистами в области гуманитарного знания. Но, если следовать логике таблицы, публиковать научные книги не имело ни малейшего смысла, так как одна монография приравнена к двум статьям, напечатанным в журналах списка ВАК, или одной, индексируемой в ББД *Scopus*. Сюда же следует добавить односторонний и чрезмерный крен в сторону ББД *Web of Science*, что для гуманитариев автоматически означало крайнюю степень дискриминации, поскольку они были лишены возможности получить высокие баллы за свой научный труд, ведь подавляющая часть наиболее авторитетных журналов по гуманитарной тематике не имеет в *WoSCC* расчета импакт-фактора, следовательно, и квартиля. Не могли помочь публикации в журналах, зарегистрированных в ББД *Scopus* или *RSCI WoS*, так как подобные публикации могли дать российским гуманитариям соответственно всего 1 и 0,75 балла за одну статью.

Естественно, что обнародование министерского письма привело к бурным протестам представителей академических институтов РАН, специализирующихся на гуманитарной тематике, в результате чего 25 августа 2020 г. в Министерстве науки и высшего образования был принят новый порядок методики начисления баллов для представителей гуманитарных и общественных наук:

W	S	R	V	B
3	3	3	1	1 балл за 1 авт. л. — монография; 0,75 балла за 1 авт. л. — сборник научных статей; 0,5 балла за 1 авт. л. — комментарии к изданиям классики, словарные, архивные и др. публикации

Здесь W — публикация в изданиях, индексируемых в *Web of Science Core Collection*; S — публикации в изданиях, индексируемых в *Scopus* и не индексируемых в *WoSCC*; R — публикации в журналах *RSCI WoS*, не индексируемых в ББД *WoSCC* и *Scopus*; V — публикации в журналах списка ВАК, не входящих в вышеперечисленные категории; B — рецензируемые издания книжного формата, рекомендованные к печати Ученым советом организации, зарегистрированные в Российской книжной палате; 1 авт. л. (авторский лист) = 40 000 знаков с пробелами.

В новой методике расчета публикационной активности, помещенной на официальном сайте Министерства науки и высшего образования 3 сентября 2020 г., указывалось, что экспертное решение по присуждению баллов для изданий книжного формата, представленных к оценке институтами в рамках тематик по гуманитарным и общественным наукам, будет принимать Российская академия наук по представлению соответствующего отделения. Кроме того, в перспективе монографии по гуманитарным дисциплинам будут иметь различные оценки в зависимости от объема и научной составляющей (новизна, актуальность и т. д.).

Хотя поправки, внесенные в методику начисления баллов для гуманитарных работ, в значительной мере смягчили абсурдность показателей и дискриминацию гуманитариев в первоначальной таблице, но все же оставили несколько вопросов. В частности, на мой взгляд, вряд ли следовало отказываться от квартильной метрики, по крайней мере для журналов, индексируемых в ББД *Scopus*. Ведь у гуманитарии-

ев в таком случае теряется стимул издавать статьи в высокорейтинговой периодике. Может быть, стоило сохранить некоторую дифференциацию в оценке публикаций, индексированных в БД *WoS* и *Scopus*, с одной стороны, и *RSCI WoS* — с другой? И на основании каких критериев в дальнейшем будет высчитываться «новизна» и «актуальность» монографии? Мне неизвестны какие-либо внятные разъяснения на сей счет. С другой стороны, новая шкала для гуманитариев привела к недовольству представителей естественных наук, для которых был сохранен крайне низкий балл за публикацию монографии [Ракин, 2021]. Это, пожалуй, первый случай наукометрической дискриминации представителей негуманитарных наук в России.

Начало военной спецоперации на Украине в феврале 2022 г. не только привело к тектоническим сдвигам в мировой политике и экономике, но косвенным образом сказалось и на использовании наукометрических показателей в России. Так, после резкого сворачивания сотрудничества зарубежных БД с российскими партнерами председатель российского правительства М.В. Мишустин 19 марта 2022 г. подписал постановление № 414 «О некоторых вопросах применения и требования целевых значений показателей, связанных с публикационной активностью». Согласно этому постановлению до 31 декабря 2022 г. отменялись требования к российским авторам по наличию публикаций в изданиях, индексированных в БД *Scopus* и *WoS* при защите диссертаций, получении грантов и т. д. Затем приказом главы Минобрнауки В.Н. Фалькова от 3 ноября 2022 г. за № 1071 была внесена поправка, продлевающая срок действия постановления № 414 до 31 декабря 2023 г.

Из-за резкого снижения в России роли зарубежных библиометрических баз их показатели было решено заместить данными РИНЦ, хотя, по моему мнению, он имеет немало существенных недостатков, значительно уступая по качеству индексирования БД *Scopus* и *WoS*. В ноябре 2022 г. Высшая аттестационная комиссия РФ утвердила список журналов (Постановление № 02-1198 от 6 декабря 2022 г.), в который было отобрано 2 587 российских периодических изданий, разделенных на три категории (К1, К2, К3) по мере убывания интегрального рейтингового показателя. В первую категорию было включено 25% высокорейтинговых журналов, во вторую — 50%, в третью — остальные 25%. Согласно новым требованиям ВАК, для защиты кандидатской диссертации аспирантам по биологическим, географическим, физико-математическим и химическим отраслям науки нужно опубликовать не менее двух статей, одну из которых — в изданиях категории К1 или К2 либо зарегистрированных в *RSCI WoS*. По гуманитарным и остальным наукам — три, из которых две статьи без учета новых категорий. Соискателям степени доктора гуманитарных и социальных наук нужно опубликовать не менее 15 статей, пять из них — в изданиях, отнесенных к К1 или К2 либо зарегистрированных в *RSCI WoS*. По остальным отраслям науки для защиты требуется не менее 10 статей, но пять из них также должны быть опубликованы в перечисленных выше изданиях. Как видим, опять не обошлось без дискриминации гуманитариев, ведь им для защиты диссертаций следует иметь в полтора раза больше статей, чем представителям естественных наук (которые к тому же очень часто пишут их в соавторстве). Фактически повторилась ситуация 2013 г.

До сих пор шла речь о дискриминации российских гуманитариев, так сказать, на макроуровне в масштабах всех вузов страны или в системе Академии наук. Но подобная дискриминация встречается и на микроуровне в рамках отдельного высшего учебного заведения. Проведенный мной анализ нескольких десятков норма-

тивных регламентов, связанных с наукометрическими показателями в российских университетах, наглядно продемонстрировал, что единая продуманная политика в плане оценки научных публикаций отсутствует и царит, фигурально выражаясь, «наукометрическая анархия» [Гринёв, 2019а]. Причем при формировании рейтинговых оценок администрация технических университетов обычно совершенно не учитывает специфику социально-гуманитарных дисциплин, подходя ко всем с едиными требованиями. Так, в моем политехническом университете в конце 2022 г. руководство приняло регламент минимальных требований к замещению должностей профессорско-преподавательского состава. Согласно этим требованиям претендент на занятие должности доцента и профессора должен иметь не менее одной монографии, опубликованной за предшествующие три года. На мой недоуменный вопрос: как можно добиться такого показателя без ущерба для качества научной книги, представитель университетского руководства без колебаний ответил: пишите в соавторстве. Вполне допускаю, что такой вариант оптимален для представителей технических кафедр, где все занимаются сходной тематикой, но для гуманитариев это совершенно не подходит, так как специализация и темы исследований обычно абсолютно разные: какую совместную монографию могут написать специалисты, один из которых занимается историей Русской православной церкви, другой — партизанским движением в Ленинградской области в годы войны, а третий изучает историю Аляски русского периода?

С другой стороны, администрацию технических вузов можно понять, ведь наиболее эффективно наукометрические показатели «работают» для коллективных статей по естественным, техническим и медико-биологическим наукам, их данные очень быстро включаются в научный оборот и дают обильное цитирование, увеличивая индекс Хирша в БД *WoS*, *Scopus* и РИНЦ, тем самым повышая рейтинг университета. Совсем иначе обстоят дела с наукометрическими параметрами гуманитариев, в результате чего администрация технических университетов часто рассматривает их как излишний балласт, тянущий показатели всего коллектива вниз и снижающий общий рейтинг всей учебной организации. В особенно незавидное положение попадают гуманитарии, если администрация вуза утверждает в качестве приоритетных данные БД *WoS*, присуждая за публикации в журналах этой базы наивысшие баллы с учетом квартильной метрики. Иногда подобное происходит не только в технических вузах. Например, в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) публикациям, индексированным в БД *WoS*, до недавнего времени отдавалось явное предпочтение с начислением наивысших баллов и соответствующих финансовых бонусов.

Отношение гуманитариев к наукометрической дискриминации в России и проблема их публикационных стратегий

Сами гуманитарии, как правило, не осознают, что подвергаются наукометрической дискриминации, обычно из-за ее ситуативного проявления, слабых представлений о наукометрии и отсутствия интереса к критическому осмыслению нормативных документов. До указа президента Путина от 7 мая 2012 г. подавляющая часть российских ученых в институтах РАН и представители ППС университетов просто никогда ничего не слышали о наукометрии, ее показателях и международ-

ных библиометрических базах данных. Последовавшее вслед за президентским указом массированное и принудительное внедрение различных наукометрических регламентов в ведущих вузах страны и институтах РАН вызвало среди российского научного сообщества закономерную негативную реакцию различной степени интенсивности. В этом не было ничего удивительного. Российские ученые решением властей были неожиданно вытолкнуты на международный конкурентный рынок научных публикаций со значительным преобладанием англоамериканских и вообще англоязычных изданий, где немедленно ощутили себя людьми второго сорта: подавляющая часть их не имела никакого опыта публикаций в зарубежных журналах и не владела в должной мере английским языком. Количество же русскоязычных изданий, индексируемых в ведущих зарубежных ББД, в начале 2010-х гг. было крайне ограничено, особенно для гуманитарных дисциплин: российские историки, например, имели всего два таких журнала — «Российская история» и «Вопросы истории», а философы и этнографы и вовсе по одному — «Вопросы философии» и «Этнографическое обозрение». Ситуация усугублялась многократным разрывом в финансировании науки в западных странах и России, крайне низким уровнем зарплат российских ученых по сравнению с зарубежными коллегами, частой невозможностью в силу этого принимать участие в международных конференциях, знакомиться с новейшей литературой из-за платного доступа к PDF-копиям статей в зарубежной периодике и т. д. [Цветкова, Комарова, 2015].

Недовольство ученых принудительным внедрением наукометрических показателей в университетскую практику проявлялось в личных беседах, изредка в публичных выступлениях на заседаниях кафедр, а иногда на страницах научной периодики [Чудова, 2014]. В связи с этим характерно название статьи одного российского философа: «Наукометрия как разновидность безумия» [Миронов, 2016]. Получили также распространение гневные статьи и заметки в Интернете, направленные против наукометрии и ее показателей [Неретин, 2013]. Надо сказать, что подобные настроения довольно распространены и среди зарубежных гуманитариев [Feenstra, López-Cózar, 2022]. Что же касается России, то редкие выступления российских гуманитариев против бездумной абсолютизации наукометрических показателей не производили никакого впечатления на государственных или университетских управленцев. Не помогло даже официальное постановление бюро Отделения историко-филологических наук РАН от 16 октября 2013 г. за № 62, в котором указывалось, что опыт внедрения наукометрических систем в учреждениях гуманитарного профиля в странах Западной Европы и Америки оказался неудачным и в настоящее время происходит отказ от использования индекса цитирования, а также индекса Хирша и импакт-фактора журналов для мониторинга состояния гуманитарных дисциплин в пользу научной экспертизы.

Проведенный в 2016 г. опрос более чем сотни историков, философов и филологов закономерно выявил их отрицательное отношение к наукометрии. Респонденты отмечали неудовлетворительность способов наукометрической оценки научной деятельности, которые, по их мнению, отличаются высокой степенью формализма, неэффективностью и не позволяют оценить работу ученого по достоинству, а потому несправедливы. При этом, однако, многие респонденты имели весьма смутное представление о наукометрии и ее возможностях и даже не знали свои собственные показатели в основных библиометрических базах данных, включая РИНЦ [Филиппов, 2016].

По этой причине недовольство подавляющей части российских гуманитариев носило в основном неосознанный и стихийный характер. Впрочем, до каких-то серьезных демонстраций, пикетов, митингов и тому подобных акций никогда не доходило (единственное исключение — коллективный протест представителей гуманитарных институтов РАН в 2020 г.). Здесь уместно добавить, что в современной России просто не сложилась культура протестного движения и отсутствуют традиции борьбы людей за свои права, профсоюзы в университетах и институтах РАН, как правило, слабы и безвольны, часто находятся под контролем администрации, а введение в 2012 г. в российских университетах так называемых эффективных контрактов, позволяющих администрации без значительных хлопот уволить несогласных и протестующих, напроць блокировало потенциальное протестное движение против наукометрической дискриминации и произвола руководства. Как отмечают специалисты, фактически в стране была введена узаконенная прекаризация для университетских преподавателей [Курбатова, Донова, 2019].

Так как протестовать и оспаривать решения администрации в судебном порядке было бесперспективно и чревато крупными неприятностями, а профсоюзы демонстрировали полное бессилие, то для гуманитариев оставался единственный путь — приспособиться каким-то образом к навязанным начальством наукометрическим показателям. В результате зачастую в ход идут не всегда этичные приемы. Одним из самых простых стала практика веерной рассылки, когда одна и та же работа направлялась одновременно в несколько журналов, где и публиковалась с небольшой коррекцией названия, резюме и косметическими изменениями текста. Еще один вариант подобной практики, именуемой термином *salami slicing*, состоял в следующем: готовая рукопись делилась на несколько частей и рассылалась в несколько журналов для последующей публикации в виде отдельных статей, хотя всё можно было оформить в рамках одной научной работы [Виноградова, 2016]. Среди гуманитариев стало широко распространяться соавторство (по примеру представителей естественных наук), с обильным взаимным цитированием. Подобное явление получило распространение и за рубежом [Henriksen, 2016]. Настоящим спасением для многих гуманитариев стали международные конференции, материалы которых индексируются в ББД *WoS* и *Scopus*. Неслучайно специалист по наукометрии из НИУ ВШЭ И.А. Стерлигов фиксирует взрывной рост участия российских авторов в публикации материалов конференций, регистрируемых в зарубежных ББД за последние годы, — по этому показателю страна занимает одну из лидирующих позиций в мире. «Резкий рост числа и доли трудов конференций России и других затронутых стран сочетается со столь же резким падением их качества и научного вклада», — констатирует И.А. Стерлигов, добавляя, что это стало следствием прямого попустительства со стороны вузовского начальства [Стерлигов, 2021].

Другим нехитрым способом российских гуманитариев удовлетворить наукометрические «аппетиты» начальства и увеличить количество своих публикаций за рубежом стало издание статей в «хищных» и «мусорных» журналах, которые готовы быстро издать рукопись невысокого качества за плату без должного рецензирования [Смирнов, Лукьянов, 2022]. При этом представители российских гуманитарных дисциплин не оригинальны в использовании различных приемов, призванных искусственно поднять основные наукометрические показатели, — нечто подобное наблюдается в других странах, где подобным параметрам уделяется повышенное внимание [Biagioli, Lippman, 2021]. Таким образом, российский и международный опыт

однозначно свидетельствует об отрицательном воздействии на представителей гуманитарных наук бездумной фетишизации наукометрии и ее данных.

Выводы

Подводя итоги, вернемся к общим проблемам наукометрии, о которых речь шла в начале статьи. Совершенно очевидно, что для полноценного и объективного анализа научной продуктивности отдельных ученых и целых коллективов трех основных наукометрических показателей явно недостаточно и необходимо компенсировать их недостатки путем детализации и массивного применения дополнительных метрик. Кроме того, надо решить фундаментальную проблему соавторства путем разделения всей совокупности публикаций конкретного ученого на авторские и коллективные с однозначным приоритетом первых или с введением понижающего коэффициента для вторых. Мои личные многолетние наблюдения говорят о том, что сохранение существующего порядка учета работ в соавторстве приводит к манипулированию наукометрической статистикой и ее искажению, что не может не дискредитировать саму наукометрию как дисциплину, претендующую на научность.

Что касается наукометрической дискриминации в отношении гуманитариев, то решить эту проблему можно только комплексно. Во-первых, нужно отменить все законодательные нормы, связанные с требованием завышенного числа публикаций, необходимых для допуска к защите диссертаций представителей гуманитарных наук. Во-вторых, необходимо добиваться внедрения хорошо продуманных математических формул и показателей в плановой отчетности без однобокой ориентации на квартильные данные ББД *WoS* (из-за украинского кризиса последнее пожелание, очевидно, и так будет выполнено). В-третьих, для гуманитариев следует разработать отдельные метрики с учетом дисциплинарной специфики, а также придать приоритет научным монографиям как главной для них разновидности научной продукции: это требование особенно актуально для наукометрических регламентов технических вузов. В-четвертых, давно назрела потребность в кардинальном реформировании РИНЦ, поскольку в настоящем виде он не в состоянии должным образом выполнять функции библиометрической базы, в том числе и для представителей гуманитарных дисциплин.

В заключение нельзя не отметить, что полная и объективная наукометрическая информация могла бы способствовать социальной справедливости в науке и стать залогом на пути дискриминации и различного рода махинаций при решении кадровых вопросов, распределении грантов, присуждении премий, почетных степеней и академических званий.

Литература

Акоев М.А., Маркусова В.А., Москалева О.В., Писляков В.В. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии. 2-е изд. Екатеринбург: ИПЦ УрФУ, 2021. 358 с.

Бобров Л.К. Достоверность ссылок на научные издания: пример порождения мифов и неточностей // Научные и технические библиотеки. 2022. № 5. С. 47–65. DOI: 10.33186/1027-3689-2022-5-47-65.

Виноградова Т.В. Библиометрия и социогуманитарные науки несовместимы? // Научно-ведческие исследования: Сб. научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 90–106.

Гринёв А.В. Проблема использования наукометрических показателей при оценке публикационной активности в современной России // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 10. С. 993–1002. DOI: 10.31857/S0869-58738910993-1002.

Гринёв А.В. Проблема наукометрической дискриминации представителей гуманитарных дисциплин в технических вузах // История политехнического образования в России: труды Всероссийской научно-образовательной конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 28 февраля 2019 г. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. С. 145–153.

Губа К.С., Соколов М.М., Соколова Н.А. Динамика диссертационной индустрии в России: 2005–2015 гг. // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 3. С. 13–45. DOI: 10.17323/1726-3247-2020-3-13-46.

Гуреев В.Н., Мазов Н.А., Ильичёв А.А. Карьерный рост ученых и публикационная этика // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 3. С. 270–278. DOI: 10.31857/S0869-5873893270-278.

Ефимова Г.З. Соавторство или соло-авторство: соблюдение традиций или свободный выбор? // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. № 1. С. 130–148. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-130-148.

Жарова Е.Н. Наукометрия в области социогуманитарных наук: проблемы и пути их решения // Научные и технические библиотеки. 2022. № 4. С. 34–53. DOI: 10.33186/1027-3689-2022-4-34-53.

Жэнгра И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 184 с.

Земсков А.И. Библиометрия: взгляд на проблему. Сравнение уровня цитирования статей в различных странах // Научные и технические библиотеки. 2014. № 9. С. 22–44.

Иванов А.Б., Петров В.Г. Технологии увеличения индекса Хирша и развития имитационной науки // В защиту науки. Бюллетень № 17. М.: Наука, 2016. С. 38–51.

Индикаторы науки: 2021: статистический сборник / Сост. Л.М. Гохберг, К.А. Дидковский, Е.И. Евневич и др. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 352 с.

Котляров И.Д. Управление продуктивностью научной работы профессорско-преподавательского состава // Университетское управление: практика и анализ. 2009. № 5. С. 41–48.

Курбатова М.В., Донова И.В. Эффективный контракт в высшем образовании: результаты реализации проекта // Journal of Institutional Studies. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 122–145. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.2.122-145.

Мазов Н.А., Гуреев В.Н., Каленов Н.Е. Некоторые оценки списка журналов *Russian Science Citation Index* // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 4. С. 322–332. DOI: 10.7868/S0869587318040047.

Мжельский А.А. Маргинализация российской науки. Что ожидать российским издательствам и авторам // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 3. С. 35–43. DOI: 10.19181/smtp.2022.4.3.3.

Миронов В.В. Наукометрия как разновидность безумия // Сократ. Журнал современной философии. 2016. № 4. С. 8–11.

Мотрошилова Н.В. Реальные факторы научно-исследовательского труда и измерения цитирования // Управление большими системами: Сборник трудов. Специальный выпуск 44 — Наукометрия и экспертиза в управлении наукой. М.: ИПУ РАН, 2013. С. 453–475.

Неретин Ю.А. Великий библиометрический джихад // Независимая газета. 2013. 11 декабря. С. 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/science/2013-12-11/11_gan.html (дата обращения: 14.03.2023).

Орлов А.И. Число цитирований — ключевой показатель результативности в фундаментальной науке // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 618–867.

Полянин А.Д. Недостатки индексов цитируемости и Хирша. Индексы максимальной цитируемости // Математическое моделирование и численные методы. 2014. № 1. С. 131–144.

Ракин В.И. Проблемы управления междисциплинарным научным центром // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3. № 1. С. 55–67. DOI: 10.19181/smtp.2021.3.1.3.

Рубвальтер Д.А., Либкинд А.Н. Библиометрический анализ ситуации в российской науке // Власть. 2021. № 5. С. 285–297. DOI: 10.31171/vlast.v29i5.8574.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Зарубежные публикации российских гуманитариев: социометрический анализ // Вопросы образования. 2009. № 4. С. 199–217.

Смирнов Е.Н., Лукьянов С.А. «Мусорные» журналы: наукометрия vs наука // Управление. 2022. Т. 13. № 4. С. 83–95. DOI: 10.29141/2218-5003-2022-13-4-7. EDN: UCWSZW.

Стерлигов И.А. Российский конференционный взрыв: масштабы, причины, дальнейшие действия // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3. № 2. С. 222–251. DOI: 10.19181/smtp.2021.3.2.10.

Фёдоров П.П., Попов А.И. Взаимосвязь показателей цитирования российских ученых // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 3. С. 222–232.

Филиппов И.С. Как ученые гуманитарного профиля оценивают наукометрию // Сибирские исторические исследования. 2016. № 3. С. 6–27.

Цветкова Л.А., Комарова А.В. Новые критерии эффективности участников исследовательской деятельности и распорядителей бюджетных средств на исследования и разработки // Экономика науки. 2015. Т. 1, № 4. С. 270–281.

Чудова Н.В. Помериться «хиршами», или О новом цивилизационном вызове // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 5. С. 462–464.

Bagues M., Sylos-Labini M., Zinovyeva N. A Walk on the Wild Side: “Predatory” Journals and Information Asymmetries in Scientific Evaluations // IZA Discussion Papers. 2017. No. 11041. P. 1–47. DOI: 10.1016/j.respol.2018.04.013.

Biagioli M., Lippman A. (Eds.). Gaming the Metrics Misconduct and Manipulation in Academic Research. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2021. 306 p.

Chapman C.A. et al. Games Academics Play and Their Consequences: How Authorship, H-index and Journal Impact Factors Are Shaping the Future of Academia // Proceedings of the Royal Society B. 2019. Vol. 286. No. 1916. P. 2019–2047. DOI: 10.1098/rspb.2019.2047.

Feenstra R., López-Cózar E. Philosophers’ Appraisals of Bibliometric Indicators and Their Use in Evaluation: From Recognition to Knee-jerk Rejection // Scientometrics. 2022. Vol. 127. No. 4. P. 2085–2103. DOI: 10.1007/s11192-022-04265-1.

Henriksen D. The Rise in Co-authorship in the Social Sciences (1980–2013) // Scientometrics. 2016. Vol. 107. No. 2. P. 455–476. DOI: 10.1007/s11192-016-1849-x.

Hirsch J.E. An Index to Quantify an Individual’s Scientific Research Output // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2005. Vol. 102. P. 16569–16572.

Holcombe A.O. Contributorship, not Authorship: Use CRediT to Indicate Who Did What // MDPI Publications. 2019. Vol. 7. No. 48. P. 1–11.

Mingers J., Leydesdorff L. A Review of Theory and Practice in Scientometrics // European Journal of Operational Research. 2015. Vol. 246. Iss. 1. P. 1–19. DOI: 10.48550/arXiv.1501.05462.

Mongeon P., Paul-Hus A. The Journal Coverage of Bibliometric Databases: A Comparison of Scopus and Web of Science // Scientometrics. 2016. Vol. 106. No. 1. P. 213–228.

Must Ü. Alone or Together: Examples from History Research // Scientometrics. 2012. Vol. 91. No. 2. P. 527–537. DOI: 10.1007/s11192-011-0596-2.

Pislyakov V., Dyachenko E. Citation Expectations: Are They Realized? Study of the Matthew Index for Russian Papers Published Abroad // Scientometrics. 2010. Vol. 83. No. 3. P. 739–749. DOI: 10.1007/s11192-009-0144-5.

The Problem of Scientometric Discrimination of Russian Humanities Scholars

ANDREI V. GRINĚV

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: agrinev1960@mail.ru

The article analyzes the little-studied, but very urgent problem of scientometric discrimination of representatives of the humanities in Russia. Describing the shortcomings of the main scientometric indicators, the author notes that initially their hidden discrimination is associated with the use of the Web of Science bibliometric database, within which the impact factor of humanitarian journals and their quartile metrics are not calculated. Exploring further the scientometric discrimination of the humanities on specific Russian material, the author points out that this process began in 2006, when the order of the Ministry of Higher and Secondary Education of the Russian Federation was issued, introducing scientometric indicators that clearly infringed upon the interests of representatives of the humanities. Then this tradition continued and since 2013 there has been a conscious, direct and institutionalized act of scientometric discrimination against humanities scholars, when the government adopted a decree on new publication requirements related to the defense of dissertations. This discrimination is often reinforced by university administrations by introducing various scientometric standards, as a result of which humanities teachers are placed in an unequal position. The article analyzes their reaction to the discriminatory measures of the authorities, as well as the author's personal experience as a representative of the humanities in a technical university.

Keywords: scientometrics; scientometric indicators; bibliometric databases; scientometric discrimination.

References

- Akoev, M.A., Markusova, V.A., Moskaleva, O.V., Pislyakov, V.V. (2021). *Rukovodstvo po naukometrii: indikator razvitiya nauki i tekhnologii* [Manual on scientometrics; indicators of science and technology development], 2-e izd., Yekaterinburg: IPTS UrFU (in Russian).
- Bagues, M.; Sylos-Labini, M.; Zinovyeva, N. (2017). A Walk on the Wild Side: “Predatory” Journals and Information Asymmetries in Scientific Evaluations, *IZA Discussion Papers*, no. 11041, 1–47. DOI: 10.1016/j.respol.2018.04.013.
- Biagioli, M.; Lippman, A. (Eds.). (2021). *Gaming the Metrics Misconduct and Manipulation in Academic Research*, Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
- Bobrov, L.K. (2022). Dostovernost' ssylok na nauchnyye izdaniya: primer porozhdeniya mifov i netochnostey [Reliability of references to scientific publications: Where myths and inaccuracies originate], *Nauchnyye i tekhnicheskiye biblioteki*, no. 5, 47–65 (in Russian).
- Chapman, C.A. et al. (2019). Games Academics Play and Their Consequences: How Authorship, H-index and Journal Impact Factors Are Shaping the Future of Academia, *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 286 (1916), 2019–2047. DOI: 10.1098/rspb.2019.2047.
- Chudova, N.V. (2014). Pomerit'sya “khirshami”, ili o novom tsivilizatsionnom vyzove [Measure's “Hirsh”, or about a new civilizational challenge], *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 84 (5), 462–464 (in Russian).

Efimova, G.Z. (2022). Soavtorstvo ili solo-avtorstvo: soblyudeniye traditsiy ili svobodnyy vybor? [Co-authorship or sole authorship: tradition or freedom of choice?], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 13 (1), 130–148 (in Russian).

Feenstra, R., López-Cózar, E. (2022). Philosophers' Appraisals of Bibliometric Indicators and Their Use in Evaluation: From Recognition to Knee-jerk Rejection, *Scientometrics*, 127 (4), 2085–2103. DOI: 10.1007/s11192-022-04265-1

Fedorov, P.P., Popov, A.I. (2014). Vzaimosvyaz' pokazateley tsitirovaniya rossiyskikh uchenykh [Relationship' of citation indicators of Russian scientists], *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 84 (3), 222–232 (in Russian).

Filippov, I.S. (2016). Kak uchenyye gumanitarnogo profilya otsenivayut naukometriyu [How scientists in the humanities evaluate scientometrics], *Sibirskiy istoricheskiy issledovaniya*, no. 3, 6–27 (in Russian).

Gingras, Y. (2018). *Oshibki v otsenke nauki, ili Kak pravil'no ispol'zovat' bibliometriyu* [Errors in the assessment of science, or How to use bibliometrics correctly], Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Gokhberg, L.M., Didkovskiy, K.A., Evnevich, E.I. et al. (Comp.) (2021). *Indikatory nauki: 2021: statisticheskiy sbornik* [Science indicators: 2021: statistical compendium], Moskva: NIU VShE (in Russian).

Grinev, A.V. (2019). Problema naukometricheskoy diskriminatsii predstaviteley gumanitarnykh distsiplin v tekhnicheskikh vuzakh [The problem of scientometric discrimination of representatives of the humanities in technical universities], *Istoriya politekhnicheskogo obrazovaniya v Rossii: trudy Vserossiyskoy nauchno-obrazovatel'noy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Sankt-Peterburg, 28 fevralya 2019 g.* [History of polytechnic education in Russia: proceedings of the All-Russian scientific and educational conference with international participation. St. Petersburg, February 28, 2019] (pp. 145–153), S.-Peterburg: POLITEKH-PRESS (in Russian).

Grinev, A.V. (2019). The Use of Scientometric Indicators to Evaluate Publishing Activity in Modern Russia, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 89 (5), 451–459. DOI: 10.1134/S1019331619050046.

Guba, K.S., Sokolov, M.M., Sokolova, N.A. (2020). Dinamika dissertatsionnoy industrii v Rossii: 2005–2015 gg. [Dynamics of the dissertation industry in Russia: 2005–2015], *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 21 (3), 13–42 (in Russian). DOI: 10.17323/1726-3247-2020-3-13-46.

Gureev, V.N., Mazov, N.A., Il'ichov, A.A. (2019). Kar'yernyy rost uchenykh i publikatsionnaya etika [Career development of scientists and publication ethics], *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 89 (3), 270–278 (in Russian). DOI: 10.31857/S0869-5873893270-278.

Henriksen, D. (2016). The Rise in Co-authorship in the Social Sciences (1980–2013), *Scientometrics*, 107 (2), 455–476. DOI: 10.1007/s11192-016-1849-x.

Hirsch, J.E. (2005). An Index to Quantify an Individual's Scientific Research Output, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 102, 16569–16572.

Holcombe, A.O. (2019). Contributorship, not Authorship: Use CRediT to Indicate Who Did What, *MDPI Publications*, 7 (48), 1–11. DOI: 10.3390/publications7030048.

Ivanov, A.B.; Petrov, V.G. (2016). Tekhnologii uvelicheniya indeksa Khirsha i razvitiya imitatsionnoy nauki [Technologies for increasing the H-index and developing simulation science], in *V zashchitu nauki. Byulleten' № 17* [In defense of science. Bulletin No. 17] (pp. 38–51), Moskva: Nauka (in Russian).

Kotlyarov, I.D. (2009). Upravleniye produktivnost'yu nauchnoy raboty professorsko-predavatel'skogo sostava [Managing the productivity of scientific work of the teaching staff], *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz*, no. 5, 41–48 (in Russian).

Kurbatova, M.V.; Donova, I.V. (2019). Effektivnyy kontrakt v vysshem obrazovanii: rezul'taty realizatsii proyekta [An effective contract in higher education: results of the project implementation], *Journal of Institutional Studies*, 11 (2), 122–145 (in Russian). DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.2.122-145.

Mazov, N.A.; Gureev, V.N.; Kalenov, N.E. (2018). Nekotoryye otsenki spiska zhurnalov “Russian Science Citation Index” [Some evaluations of the list of journals *Russian Science Citation Index*], *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 88 (4), 322–332 (in Russian). DOI: 10.7868/S0869587318040047.

Mingers, J.; Leydesdorff, L. (2015). A Review of Theory and Practice in Scientometrics, *European Journal of Operational Research*, 246 (1), 1–19. DOI: 10.48550/arXiv.1501.05462.

Mironov, V.V. (2016). Naukometriya kak raznovidnost' bezumiya [Scientometrics as a kind of madness], *Sokrat. Zhurnal sovremennoy filosofii*, no. 4, 8–11 (in Russian).

Mongeon, P.; Paul-Hus, A. (2016). The Journal Coverage of Bibliometric Databases: A Comparison of Scopus and Web of Science, *Scientometrics*, 106 (1), 213–228. DOI: 10.1007/s11192-015-1765-5.

Motroshilova, N.V. (2013). Real'nyye faktory nauchno-issledovatel'skogo truda i izmereniya tsitirovaniya [Real factors of research work and citation measurement], *Upravleniye bol'shimi sistemami: Sbornik trudov. Spetsial'nyy vypusk 44 — Naukometriya i ekspertiza v upravlenii naukoy*, [Management of large systems: Collection of works. Special issue 44 — Scientometrics and expertise in science management] (pp. 453–475), Moskva: IPU RAN (in Russian).

Must, Ü. (2012). Alone or Together: Examples from History Research, *Scientometrics*, 91 (2), 527–537. DOI: 10.1007/s11192-011-0596-2.

Mzhelsky, A.A. (2022). Marginalizatsiya rossiyskoy nauki. Chto ozhidat' rossiyskim izdatel'stvam i avtoram [Marginalizing of Russian science. What to expect for Russian publishers and authors], *Upravleniye naukoy: teoriya i praktika*, 4 (3), 35–43 (in Russian). DOI: 10.19181/sntp.2022.4.3.3.

Neretin, Yu.A. (2013). Velikiy bibliometricheskoy dzhikhad [Great bibliometric jihad], *Nezavisimaya gazeta*, 11 dekabrya. Available at: https://www.ng.ru/science/2013-12-11/11_ran.html (date accessed: 14.03.2023) (in Russian).

Orlov, A.I. (2018). Chislo tsitirovaniy — klyuchevoy pokazatel' rezul'tativnosti v fundamental'noy nauke [The number of citations is a key performance indicator in basic science], in *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Yezhegodnik* [Russia: Trends and development prospects. Yearbook] (pp. 618–867), Moskva: INION RAN (in Russian).

Pislyakov, V.; Dyachenko, E. (2010). Citation Expectations: Are They Realized? Study of the Matthew Index for Russian Papers Published Abroad, *Scientometrics*, 83 (3), 739–749. DOI: 10.1007/s11192-009-0144-5.

Polyanin, A.D. (2014). Nedostatki indeksov tsitiruyemosti i Khirsha. Indeksy maksimal'noy tsitiruyemosti [Disadvantages of citation indexes and Hirsch. Maximum citation indices], *Matematicheskoye modelirovaniye i chislennyye metody*, no. 1, 131–144 (in Russian).

Rakin, V.I. (2021). Problemy upravleniya mezhdistsiplinarnym nauchnym tsentrom [Management problems of an interdisciplinary research center], *Upravleniye naukoy: teoriya i praktika*, 3 (1), 55–67 (in Russian). DOI: 10.19181/sntp.2021.3.1.3.

Rubvalter, D.A.; Libkind, A.N. (2021). Bibliometricheskoy analiz situatsii v rossiyskoy nauke [Bibliometric analysis of the situation in Russian science], *Vlast'*, no. 5, 285–297 (in Russian). DOI: 10.31171/vlast.v29i5.8574.

Smirnov, E.N.; Lukyanov, S.A. (2022). “Musornyye” zhurnaly: naukometriya vs nauka [Junk journals: Scientometrics vs science], *Upravlenets*, 13 (4), 83–95 (in Russian). DOI: 10.29141/2218-5003-2022-13-4-7. EDN: UCWSZW.

Sterligov, I.A. (2021). Rossiyskiy konferentsionnyy vzryv: masshtaby, prichiny, dal'neyshiye deystviya [The Russian conference outbreak: Description, causes and possible policy measures], *Upravleniye naukoy: teoriya i praktika*, 3 (2), 222–251 (in Russian). DOI: 10.19181/sntp.2021.3.2.10.

Tsvetkova, L.A.; Komarova, A.V. (2015). Novyye kriterii effektivnosti uchastnikov issledovatel'skoy deyatel'nosti i rasporyaditeley byudzhethnykh sredstv na issledovaniya i razrabotki [New criteria for the effectiveness of participants in research activities and managers of budgetary funds for research and development], *Ekonomika nauki*, 1 (4), 270–281 (in Russian).

Vinogradova, T.V. (2016). Bibliometriya i sotsiogumanitarnyye nauki nesovmestimy?, in *Naukovedcheskiye issledovaniya, 2016: Sb. nauchnykh trudov* [Are bibliometrics and social sciences incompatible?] (pp. 90–105), Moskva: INION RAN (in Russian).

Zemskov, A.I. (2014). Bibliometriya: vzglyad na problemu. Sravneniye urovnya tsitirovaniya statey v razlichnykh stranakh [Bibliometry: A look at the problem. Comparison of the citation rate of articles in different countries], *Nauchnyye i tekhnicheskiye biblioteki*, no. 9, 22–44 (in Russian).

Zharova, E.N. (2022). Naukometriya v oblasti sotsiogumanitarnykh nauk: problemy i puti ikh resheniya [Scientometrics in the sociohumanistic sciences: problems and solutions], *Nauchnyye i tekhnicheskiye biblioteki*, no. 4, 34–53 (in Russian). DOI: 10.33186/1027-3689-2022-4-34-53.